

Легенда о черном альпинисте¹

Александр Лухтанов,
Алексей Марьяшев,
г. Алматы, Казахстан.

Радость первой победы

Где-то в портовых городах мальчишки грезят морем. Почти все книжки о приключениях связаны с плаванием по неведомым океанским просторам. Там морская экзотика, штормы, пираты, сокровища и даже людоеды. И все же Лешка был твердо уверен, что горы ничем не уступят всем морям и океанам. Он никогда не видел не только моря, но даже большого озера, поэтому морские просторы представлялись ему однообразной, плоской неинтересной пустыней. Плынешь много дней, а кругом все одно и то же: вода и вода. То ли дело горы, где на каждом шагу открываются новые картины: теснины, громады скал и вершин, снега, ледники, реки и водопады. Нет, море – ничто по сравнению с горами!

Что же так тянуло его к горным вершинам? Лешка и сам толком этого не знал и уж точно не смог бы объяснить. Но ясно, что не одно любопытство. Хотелось карабкаться по скалам, с замиранием сердца лезть все выше, ощущать себя птицей, со страхом заглядывать в пропасти, а выбравшись на макушку горы, сказать самому себе: я смог, я победил! Нет, Лешка не был честолюбив, и слава ему – ни к чему. Он искал настоящее дело, чтобы захватывало целиком. И нечего слоняться по улицам, когда горы рядом и ждут тебя!

К июлю в городе установилась жара. Площади и перекрестки полыхали жаром раскаленного асфальта. Лишь под сенью деревьев у журчащих арыков можно было найти спасение от духоты.

Ночи благоухали ароматами душистого табачка, липы... Из-за заборов красными гроздьями свисали черешни и вишни.

Горы стремительно освобождались от снега, обнажая черно-серый испод скал. Полностью оголились Кумбель и Большой Алматинский пик. Лишь под самой макушкой скалистой башни пика Абая остались рваные клочки снега.

Настало лучшее время для восхождений. Для этой цели Леся давно наметил вершины. «Возьмем Абая, а там рядом и Чкалов». Он уже обдумал и план предстоящего похода. Конечно, это была большая дерзость – идти сразу на

¹ А.Г.Лухтанов, А.Н.Марьяшев. Легенда о черном альпинисте. – Алматы, 2007. Главы из книги публикуются в новой редакции.

такие серьезные вершины, но для этого, как он считал, были все основания. Во-первых, казалось, что эти горы расположены ближе других, а самое главное, Лешка знал, как до них добраться. Доехать до Медео, а там уже путь ясен. Вершины все время стоят перед глазами, и заблудиться невозможно.

Как совершить восхождение, Леша представлял смутно. Ясно, что одному это не сделать, нужен надежный спутник. А еще веревка, чтобы идти в связке. По скалам лазать Леша уже пробовал на Медео. Веревку можно взять бельевую, у бабушки. Оставалось найти спутника. Шурка уехал с отцом в Киргизию, да еще неизвестно, согласился бы он. Оставался Витька – отчаянная голова, по прозвищу Брэк. Его уговаривать не пришлось. Он лишь засомневался: отпустит ли мать.

– Скажи, что поедем отдыхать на Медео, – сразу нашелся Лешка.

– Конечно, – обрадовался Брэк. – Вот бы еще раздобыть еды.

– Да, прихвати одеяло! – напомнил друг. – А я возьму у бабушки клеенку на случай дождя.

...Утром по тропе, ведущей меж елей, они поднимались на Чимбулак. В небе ни облачка. В прозрачном свежем воздухе вершины сияли нетронутой чистотой. Видимость такая, что различались каждая скала, ложбинка, бугорок. Под стать погоде и настроение самое боевое, и никаких сомнений в успехе.

– Вернемся, вот Шурка завидовать будет!

– Еще бы! Пусть-ка попробует сходить сам.

Давно уже елки остались далеко внизу, путь прокладывали напрямик по склону горы, пересекая скалистые гряды и овраги, пока не подошли к краю глубокой расщелины. Лешка заглянул вниз и отпрянул назад. Каким-то ужасом веяло от этого бездонного провала.

– Ого! – присвистнул Витька. – Это тебе не лазанье по деревьям на Поганке. Давай-ка забирать левее.

Друзья выбрались на гребень. Перед ними открылась грозная картина. Прямо напротив, подавляя своей мощью, стоял пик Комсомола, весь закованный в лед, с зубцами скал на гранях вершины. Но самое главное – пик Чкалова, на который Лешка планировал второе восхождение, оказался на другой стороне глубокой пропасти. На дне ее лежал ледник. А ведь из города казалось, что вершины почти рядом. Такой оборот дела менял все планы и не входил в расчеты восходителей. Оба молча разглядывали ущелье, прикидывая возможный путь ко второму пику. Стало понятно, что он нелегкий, придется терять с таким трудом набранную высоту.

– Да, нехорошо получается, – прервал молчание Лешка, – здорово мы просчитались.

Но делать было нечего, нужно выполнять то, что наметили, и карабкаться вверх.

Вершина была еще далеко, а солнце уже клонилось к западу. Где-то за скалами чуть слышно рокотал водопад, далеко внизу прогремел камнепад.

К концу дня воздух стал еще прозрачней, а небо ясней. Чувствовалась высота. Облака проносились так близко, что их хотелось потрогать руками. Стоял июль, а под ногами лежал снег. Он хоронился у подножья самых высоких утесов, в расщелинах и ложбинах.

- Чудно! - признался Витька. - Скажешь дома, ни за что не поверят, что ходил по снегу.

- Это так, - подтвердил Лешка. - Хотя снег из города виден, а все равно, поверить трудно. Лучше уж никому не говорить.

Скоро снег превратился в жесткий фирн, на котором плохо держали ботинки. Кошек не было, идти стало скользко и опасно, поэтому решили выбраться на скалы. В каком-то киножурнале Лешка видел, как альпинисты шли гуськом, связавшись одной веревкой. Но там был снежный склон, хотя и крутой, но не настолько, как эти скалы. Сорвешься, веревка не поможет. Сверху удержать падающего невозможно, это Лешка понимал: слишком силен будет рывок, и тогда упадут оба. Зато идущий впереди вполне может подстраховать идущего следом.

- Брэк, будем страховаться веревкой, - предложил он.

- Конечно, - согласился тот, - будем идти по очереди, один следит, другой лезет. Вот только кошек у нас нет.

- Кошки - это по льду ходить, а здесь нужны крючья.

- Это ... чтобы цепляться за выступы?

- Не цепляться, а в скалу вбивать.

- Как же его вобьешь, ведь камень - это не дерево.

- Вбивают в трещины, а потом веревкой за крюк цепляются.

- Чудеса! - удивился Витька. - Выходит, что альпинисты сами себя подвешивают?

- Получается, что так. Зато, если сорвешься, далеко не улетишь. Повиснешь на своем же крюке.

- Здорово, - согласился Брэк, - нам хуже, только на свои руки остается надеяться. Может, тогда вообще отказаться от веревки? - предложил он. - Она нам только мешает. Еще и камень зацепить может, а без нее и дело пойдет быстрее.

Чувствуя ответственность за друга, Лешка не согласился:

- Нет, без веревки нельзя. Так хоть у одного страховка есть.

Подумал и добавил:

- Только ты отвязывайся, когда я впереди иду.

Так они и лезли, карабкаясь по скалам от полки до полки. Лешка все время первым, Витька за ним следом. Но вскоре удобные полки кончились, а черная башня вершины маячила все так же далеко, как и два часа назад. Стало жутковато: уже столько прошли, а конца пути не видно. Да и скалы все круче. Уверенности поубыло, и неприятный холодок страха проникал в сознание мальчишек. Повернуть назад - эта мысль возникала не раз, но ни один из них не высказал ее вслух.

Несмотря на близость города, лежащего перед их глазами, оба чувствовали себя растерянными, заброшенными в места, где все живое обречено на гибель. Величие гор, отсутствие всякой жизни только подчеркивали человеческое ничтожество и бессилие перед могуществом природы. Но сознание того, что день на исходе и нужно спешить, начисто отметало всякие сомнения и страхи.

Когда подошли к основанию башни, стало ясно, что взять ее в лоб не удастся

– очень крутой подъем. Но слева к предвершинным скалам тянулся покатым ледничок. По льду без кошек не пройти, но между скалой и льдом образовалась небольшая щель, по ней-то и стали продвигаться. Вскоре уперлись в гладкое, залезанное ледником и камнепадами днище желоба. Из-за крутизны идти по нему стало опасно. Держась рукой за скалу, Леша внимательно осматривал возможные варианты пути.

– Что ты застрял?! – торопил Витька. – Придется снова выходить на скалы.

– Ну, так выходи, я страхую!

Камень, зацепленный веревкой, сорвался и загрохотал по кулуару. Не долетев до Витьки, он с размаху врезался в снег.

Здесь была самая трудная часть маршрута. Противный и коварный страх сковывал движения и заставлял дрожать пальцы и колени. Но теперь подгоняла близость вершины. По крутой стене Леся обогнул наискось выпуклую почти гладкую скалу и, пройдя на всю длину веревки, выбрался на крохотную площадку. Витьку он уже не видел, поэтому крикнул:

– Страхую! Выходи по моим следам!

Обмотав веревку за выступ скалы, он опустился на четвереньки и стал выбирать ее под себя. Прошло несколько минут, пока он увидел друга.

Дальше было уже легче. Еще несколько выходов на длину веревки – и вот она, долгожданная вершина! Первая настоящая вершина в жизни!

Восторгу не было предела. Мальчишки задыхались от радости, цель достигнута, все страхи остались позади.

Далеко внизу лежал их родной город. Город, который они любили, где жили их родные и близкие. И вот они стоят сейчас на вершине, которую хорошо видно из любой точки города, но никто этого не знает. А как бы хотелось, чтобы кто-нибудь разглядел их здесь! Наверное, это можно было бы сделать с помощью сильного бинокля, но ведь они никого не предупредили.

– Ого-го-го! – крикнул Леша, и горы ответили эхом глухо и таинственно, – ого-го-го!

– Мы здесь! – еще громче заорал Витька, и горы разнесли его ломающийся и охрипший от холодного воздуха мальчишеский крик.

Леся замахал руками, и его тень на ближней вершине, тоже зашевелилась.

– Мы великаны! – закричал он. – Мы покорим вас, горы!

Эхо разнеслось по горам и заглохло где-то внизу, в долине, погружавшейся в вечерние сумерки.

Радость победы была так велика, что ребята даже забыли о том, что уже вечер, а ведь надо еще спускаться.

Когда оба наорались так, что охрипли, Лешка стал думать, как бы еще отметить победу, но на ум ничего не приходило.

– Надо поискать на вершине следы предыдущих восходителей, – догадался он. – Должны же они были что-то оставить.

И действительно, в сложенной кучке камней они нашли записку настоящих, взрослых альпинистов.

– Слушай, Лесь, надо быстрее сматываться, – опомнился Витька, – еще немного, и будет темно.

Солнце стремительно уходило за горизонт. Вершины уже наполовину погрузились в полумрак, и лишь на макушках еще играли золотистые лучи.

И только сейчас отчаянные смельчаки сообразили, что их ждет впереди. Спускаться по скалам придется в темноте, а спуститься нужно как можно ниже, иначе под своими тонкими байковыми одеяльцами, да еще без палатки, они просто-напросто замерзнут. Стало ясно, что они не успеют вернуться домой, как обещали, сегодня вечером. Им бы хоть как-то скоротать ночь!

Победители начали торопливый спуск в соседнее ущелье. Отчаянные головы, они направлялись в другую долину, противоположную от города не только потому, что спускаться здесь было легче! Они не собирались отказываться от второй части похода – восхождения на пик Чкалова!

Едва ли не на ощупь мальчишки лезли от полки к полке, пока тьма не поглотила все вокруг.

– Брэк, дальше идти опасно, – наконец признался Лешка. – Давай вставать на ночлег.

Они и представить себе не могли, что за ночевка ждет их на этих угрюмых скалах. Еще вчера изнывали от жары в душном городе, теперь же, чувствуя ледяное дыхание ночи, поняли, что им предстоит суровое испытание.

– Замерзнем, однако, – уныло сказал Брэк. – Говорят, что замерзающие не ощущают ни холода, ни боли. Снится сладкий сон, а на самом деле превращаешься в ледышку.

– Не замерзнем, – подбодрил его Лешка. – Как только ты заснешь, я тебя под бок!

У каждого было по одеялу. Прижавшись друг к другу, они могли бы укрыться двумя. Но одно пришлось постелить на землю – от скалы тянуло ледяным холодом. Другим укрылись с головой, стараясь собственным дыханием поддерживать тепло. Сверху набросили клеенку, так как ни палок, ни растяжек, чтобы закрепить ее, не захватили. Холод охватил сразу же и всю ночь не давал сомкнуть глаз. Ребята продрожали до утра, моля Бога, чтобы поскорее наступил рассвет.

Но утро настало такое морозное, будто пришла зима. Заиндевелившие в рассветной мгле кругом высились горные хребты. Дымчато-серые облака прижимались к их склонам. И красота эта казалась холодной, просто ледяной!

С первыми лучами солнца намучившиеся путешественники поднялись и, преодолевая холод, продолжили спуск по обледенелым скалам. От мороза клеенка стала жесткой, будто жестяной, и никак не хотела складываться.

Отсюда было рукой подать до Талгарского перевала, а там – прямая дорога в город. Но у мальчишек и мысли не мелькнуло отступить от второго восхождения. Впереди стояла вершина пика Чкалова.

Еда давно кончилась, ведь они не рассчитывали на сегодняшний день. Смирились и с этим, решив, что один день как-нибудь перетерпят.

– Бедная бабушка! – вспомнил Леша. – Что она сейчас делает?

– Да, уж всыпят нам по первое число, – горевал Витька, зная крутой нрав своей матери.

– Ладно, какая теперь разница, прийти утром или вечером. Двум смертям не бывать, а одной не миновать. Кто знал, что эти вершины разделяет такая пропасть?!

Казавшиеся снизу единой цепочкой, горы здесь вдруг приобрели глубину. Они раздвинулись и вдаль, и вширь, одна отошла от другой. За очертаниями уже знакомых вершин показались другие, новые, не видимые ранее. Их столько, что не сосчитать, они уходят все дальше и дальше на юг, наверное, до самого Иссык-Куля.

Пик Чкалова, не имевший явно выраженной вершины, поразил вблизи мрачностью и бесформенным нагромождением скал. Он казался громадным чудовищем, безобразной жабой. Но они заставили себя преодолеть страх перед жуткими черными кручами и наметили путь. Вначале шли очень споро, бойко, преодолев большую часть пути по осыпям между вздымающимися вверх утесами, вышли к узкому камину с вертикальными стенками.

– Что будем делать, Брэк? – спросил Лешка, осматривая скальный желоб. Стенки его были почти без зацепок, будто вылизанные ветром. – Вернемся вниз и поищем другой путь или попробуем здесь?

– Попытайся расклинкой, как лазали между деревьями.

Витьке вовсе не хотелось терять высоту.

Сил оставалось мало. Упираясь в стенки камина руками и ногами, Леся поднялся на высоту трехэтажного дома. Дальше шли разрушенные, но уже не отвесные скалы.

– Давай, Брэк, я тебя страхую!

Витьке было легче подниматься, верхняя страховка придавала уверенность...

И вот, наконец, вершина. Радоваться уже не хватало сил. Оставили записку и начали спуск. Спустились благополучно, ...правда, едва не угодили под рухнувшую каменную глыбу величиной с дом. Осколок скалы долго катился вниз, и гулкое эхо разносилось по длинному и узкому коридору кулуара.

Страха уже не было, как не оставалось и сил. Домой пришли такие измотанные, что еле передвигали ноги. Здесь их ждал большой скандал, но это уже не имело никакого значения. По сравнению с тем, что они испытали, все это было мелочью. Наверное, понимала это и бабушка. Когда улеглись первые самые бурные страсти, она сказала:

– Если ты не можешь без гор, то хотя бы предупреждай, куда идете! Где искать ваши никчемные, бранные останки? Что же мне, в милицию обращаться?! Да и не нужны вы ей! Расклюют вороны ваши кости!

С бабушкой все же можно было договориться, и с тех пор она стала начальником спасательных работ и хранителем контрольного срока. Уходя в очередной маршрут, Лешка рисовал ей карту-схему и назначал дату возвращения. В случае исчезновения горвосходителей бабушка должна организовывать спасательные работы: идти к его друзьям и вместе с ними и верным псом Лордом отправляться на поиски ребят.

Кумбель

Лес умылся свежеею росой.
Солнце разгоняет холодок.
Снова мир окрасил в голубое
Огонька походного дымок.

С. Кудерин

Большую часть мая стояла сырая погода. Когда начинается эта дождливая пора, алматинцев охватывает тревога. Больше всего опасаются теплого дождя.

– Теплый дождь растопит снег в горах, и тогда будет наводнение, – объясняла Шуркина мать.

Наводнения или селея боялись не меньше, чем землетрясения. На памяти старожилов слишком свежи еще были воспоминания о селе двадцать первого года. Тогда снесло едва ли не треть города. Напоминанием об этом событии служили занесенные илом и камнями дома по улице Карла Маркса и берега Малой Алматинки прямо у входа в Парк культуры и отдыха. И Леша, и Шурка хорошо знали эти места и огромные валуны, лежавшие в русле речки, пока их не раскололи каменотесы для кладбищенских памятников и облицовки арыков.

В этот раз страхи оказались напрасными. Прошумел летний паводок, промчав по Поганке потоки бурной воды, дожди кончились, проглянуло солнце, и стало видно, как поубавилось снега в горах. Его «съел» дождь, а с оставшимся быстро расправлялось солнце. Из снежно-белых горы стали полосато-черными. Елки, отчетливо видимые зимой, вдруг растворились в море зелени и травы, поглотившими склоны гор. Кумбель почти оголился, почернел, и лишь белые полосы снега узкими лентами спускались с его трехглавой вершины.

Мальчишкам не терпелось выбраться в горы. Давно уже было решено, что ближайшая их цель – Кумбель. Конечно, гора не бог весть какая, для Лешки и Витьки – так, прогулка, а для Шурки и Срыма – первая настоящая вершина. «Старые горные волки» коварно посмеивались: «Посмотрим, как вы себя покажете в деле».

Первое серьезное препятствие – родители. Лешина мама уже привыкла: с ней проблем нет, а вот Шуркин отец дотошен и принципиален.

– Что вам там, на вершине, делать? Проверили ли вы состояние своего здоровья? – допытывался он.

А тут еще Леша некстати брякнул:

– Да он идет, как бык, пыхтит, как паровоз.

Это про Шурку.

– Вот-вот, – подхватил отец, – значит, одышка. Сердце не в порядке.

...Наконец, все позади. Сошли с автобуса у дома отдыха «Просвещенец». За плечами самодельные рюкзаки с байковыми одеяльцами, палаткой, сшитой из клеенок, скромный запас провизии. Как хорошо дышится в горах после душного и жаркого города!

Лагерь разбили у самого елового леса. Рядом, на дне глубокого лога, лежит снег – он еще не стаял с самой зимы. Из-под сугроба журчит и булькает ручеек.

Из сырой земли пробивается травка, молодая, зеленая, сочная.

Разожгли костер, поставили в котелке вариться кашу.

Стемнело, и стало холодно. Здесь – не как в городе, тут еще ранняя весна, снегом пахнет. Ребята повиыгаскивали из рюкзаков кто курточку, кто свитерок.

Пламя костра рвется вверх, раскачивая еловые ветви, искры мчатся наперегонки к самому небу. Хорошо!

Шурке и Срымму все необычно, все интересно.

– А не замерзнем ночью? – спрашивает Шурка.

– Ломайте еловые лапы, стелите под палатку, – дает указание Леша. Он за старшего, здесь он серьезен, не то что дома, где так и сыплет шуточками да остротами.

И вправду, земля сырая, можно и простудиться. Натянули палатку. Забрались внутрь. Крыша есть, но с боков холодит, зато мягко и пахнет хвоей.

А снаружи темно и... страшно. Боязно отойти даже на несколько шагов. Темнотища – хоть глаз выколи.

От новых и необычных впечатлений Шурке долго не спалось. А тут еще птица какая-то всю ночь до утра скрипела, будто кто пилил сухое расщепленное дерево.

Ночью тряслись от стужи, жались друг к другу, этим и согревались.

А утром, едва рассвело, всех разбудила крикливая птица, кедровка.

– Кэ-э-э! – неся по лесу тревожный, сварливый, как у сороки, крик.

Ну и холодище! Сыро, вся трава в росе. Елки в глубокой тени, и хотя лучи солнца уже позолотили макушку Кумбеля, когда еще они доберутся до дна ущелья. Зато какая бодрость разливается по всему телу! Так и хочется сломя голову карабкаться в гору! Оттого, что погода ясная, солнечная, и настроение у всех приподнятое, праздничное.

Рядом с тропинкой «снежная река», будто застывший поток падает с горы. Снег такой твердый, что можно ходить, как по тротуару.

– Фирн, – объясняет Леша, шагая дальше.

Солнце поднялось выше, и сразу стало жарко.

Разве не удивительно: рядом снег, а напиться негде. Не тая, снег быстро испаряется, оттого над горами к полудню всегда клубятся облака.

Хотя одеты ребята во что попало – за плечами рюкзачки на веревочках, но когда юн и вся жизнь впереди, хорошо вот так шагать по горам!

«Крут подъем и каменист,

А рюкзак тяжелый.

Поет песню альпинист,

Бодрый и веселый».

Срымма так и подмывает побалагурить, подурачиться.

– Лесь, а мы ведь и вправду дураки.

– С чего это вдруг тебе взбрела в голову такая «верная» мысль?

– А знаешь поговорку: «Умный в гору не пойдет, умный гору обойдет».

– Ну, и что? Это изобрели ленивые мещане себе в оправдание. Те, которые зад свой от кресла или дивана оторвать не могут.

– Ну, шеф, ты прямо образцовый стал, хоть на божничку ставь. Всё правильные слова говоришь.

Леха не успел ответить, до слуха альпинистов донеслись отдаленные странные звуки, напоминающие тяжелые вздохи и гулкие удары в барабан. Они неслись со стороны дома отдыха.

- А-а, понятно, - догадался командор, - это играет оркестр. Сегодня же открытие сезона у туристов. На скалодроме у Медео альпинисты соревнуются. Народу, наверное, тьма собралась.

- Ага, - подтвердил Срым, - конечно, буфет приехал. Чебуреки продают, пиво пьют. Вкуснятина!

- Еще бы, - поддакнул Лешка, - там хорошо, весело. Красные флаги, музыка. Я бы сейчас тоже не отказался от пирожков с мясом. Может, вернемся? Полеживай себе на травке, и ни на какую гору карабкаться не нужно.

Леша, конечно, сказал это в шутку, подзадоривая ребят. Сам он ни на какие сборища ходить не любил.

Возражения посыпались со всех сторон.

- Да ну их! - откликнулся Шурка. - Взались за дело, нужно доводить до конца.

- Конечно, - поддакнул Срым. - Хотя там и есть альпинисты, но в основном просто зеваки. Пусть они себе веселятся, а мы на Кумбель должны взобраться.

И Срым весело пропел:

«На курортах обыватели
укрепляют организм,
Мы ж вершин завоеватели,
наше дело - альпинизм».

Гордые собой, ребята продолжали путь.

Лес вскоре кончился, начался затяжной подъем по крутому склону прямо в лоб, и, хотя скал на пути почти не было, приходилось уже кое-где карабкаться на четвереньках и цепляться за кустики и корешки руками. С непривычки Шурка даже боялся оглянуться назад. А ну как споткнешься да покатишься по откосу вниз! Где уж тут, разве остановишься! Чего доброго, и шею сломать можно.

Шурша, легкие камешки сыпались из-под ног и, набирая скорость, скачками неслись по склону. От этого было еще страшнее.

Чтобы не мешать друг другу, мальчишки растянулись поперек склона.

- А ну-ка, Шурик, запечатли для потомков.

Леша лег боком на снежник и, сделав зверское лицо, вцепился пальцами в подтаявший снег.

- Я тоже хочу! - обрадовался Срым и присоединился к другу.

Вдвоем они стали на четвереньки, изображая карабкающихся по льду храбрых покорителей гор. А Шурка, перекусив фотоаппарат, чтобы казалось покруче, делал один снимок за другим. Со снега перебрались на скалу, торчащую посреди склона, и снова изображали сцены борьбы отважных альпинистов с грозными силами природы.

- Лесь! - вдруг засмеялся Срым. - Я теперь тебя буду звать Джинном.

- Это почему же?

- А у тебя лицо сейчас такое было. Зверское. Как у того дива из арабской сказки про Аладдина.

Кончились травянистые склоны, под ногами сочилась водой сырая каменистая земля, кое-где торчали кустики арчи. Склон становился все круче и круче. Приходилось подсаживать друг друга и подавать руку.

Но вот и гребень. Каменные плиты лежат друг на друге, а рядом снег. Целое поле снега тянется до самой вершины, и лишь кое-где торчат камни. Скалистые ледовые пики встали могучими горными богатырями. Пик Комсомола, Абая, Орджоникидзе – они стоят один за другим так же, как на панораме в городском парке, но какие они здесь великаны! Вот они – рядом, кажется, протяни руку – достанешь. И горы все пестрые, в пятнах и полосах снега. Теперь понятно, почему Алатау означает «пестрые горы».

Крупная птица вдруг сорвалась со скалы и с квохтаньем понеслась прочь.

– Улар, – сказал Леша, – эта птица живет только в высоких горах.

– Я знаю, эту птицу еще называют горной индейкой, – добавил Шурка.

– Считается, что встреча с уларом приносит счастье, потому что он редок.

– Вот и считайте, что вам повезло, – сказал Леша, – посвящение вас в альпинисты состоялось. Присваиваю вам со Срымом звание горных уларов.

Срым скривился.

– Не мог придумать что-нибудь получше этой паршивой курицы! Себя-то, небось, снежным барсом считаешь. Или горным козлом.

– Конечно, – важно сказал Леша, – мы с Брэком это звание вполне заслужили за Абая. А тебе могу присудить звание домашнего барана.

– Сам ты баран, – обиделся Срым. – Да еще ишак.

Лицо Леша расплылось в улыбке.

– А ты не заметил, – обратился он к Срым, – сколько овечьего помета вокруг? Овцы пасутся на Кумбеле летом. А ты захотел горного козла.

В это время вышли на вершину. Это была обширная заснеженная площадка, заваленная огромными каменными глыбами. Едва ли не первое, что бросилось в глаза, – удивительно красивая снежная гора, стоящая за гребнем ближайшего хребта. Грани совершенно правильной пирамиды сверкали на солнце. Никто не знал, что это за вершина, из города ее не видно, но все согласились, что она поразительно похожа на знаменитый пик Хан-Тенгри.

На запад уходили пологие хребты, за ними – белые цепи далеких вершин. Ближе всех возвышался купол осыпистой почти бесснежной вершины с многочисленными осыпями, в которой с трудом узнали Большой Алматинский пик.

На север Кумбель обрывался крутой стеной, изборожденной оврагами; за овальными прилавками лежала Алма-Ата. Из моря зелени лишь кое-где выглядывали красные крыши и белые стены домов. Больших зданий было совсем немного: оперный театр, вокзал, кафедральный собор. За городом раскинулись необъятные дали – желтеющие поля с блесками озер, барханы, темная полоска Или, а Срым уверял, что видит даже Балхаш. В мареве бескрайних просторов горизонт сливался с небом.

Палило солнце, стало жарко, и мучила жажда. Напиться было негде, и тогда Срым набрал в пустую бутылку снега и стал трясти, чтобы быстрее таял. Глядя на него, все бросились делать то же самое.

Шурка ходил по площадке, заглядывал вниз, туда, куда уходила страшная круча, смотрел на плывущие над ними облака, и ему казалось, что он парит в воздухе.

Из оцепенения его вывел голос Срыма.

– Ребята, а я вот что придумал, – на этот раз Срым говорил серьезно, – раз уж мы стали ходить в горы, нужно придумать название нашей шарашке. Давайте, кто придумает лучше.

– А что тут думать, – отозвался Леша. – Команда диких альпинистов. Просто и понятно.

– Нет, это слишком просто, – возразил Срым, – нужно что-нибудь поинтересней. А так скучновато.

Каждый стал предлагать свое, кто во что горазд.

– Группа снежных леопардов.

– Стая горных волков.

– Ладно, – наконец решил Лешка, – пусть будет «Отряд снежных барсят».

На этом и остановились. То, что капитаном будет он, не стали даже и обсуждать. Это было и так ясно. Оставалось лишь распределить другие должности.

– Я буду заместителем начальника и придворным поэтом, – заявил Срым.

– А я фотографом и летописцем, – отозвался Шурка.

– И хранителем «Библии», – добавил Леша, новоиспеченный капитан («Библией» ребята считали книгу «К вершинам советской земли», изданную в 1949 году).

Один Витька по прозвищу Колбасник остался без должности. Но он, кажется, об этом и не жалел.

Спустились по легкому западному гребню и вечером были дома.

